

О переименовании Ленинграда

В Ленинграде был трижды, и всякий раз — не более суток. Что же за это время можно увидеть, узнать, услышать о великом Городе? Только внешние беглые впечатления, не более. Но после каждого своего посещения Ленинграда я становился серым и угрюмым, не находя причины тому. После всё забывалось. В чем здесь дело?

Кажется, вот в чем. Я увидел в Ленинграде две жизни, две реальности, две истории. Они соседствовали, не конфликтовали (видимо, время вражды прошло), находились рядом, но каждая сама по себе, почти не соприкасаясь.

Помню, меня поразили памятник Екатерине Второй. Императрица гордо стояла в окружении своих некогда могущественных орлов, запорошенная снегом и загаженная голубями. Обходя памятник, я впервые в своей жизни ощутил ту дореволюционную Россию, с которой, кажется, было покончено окончательно и бесповоротно. Этот мираж пронесся и исчез. Затем он возникал еще не раз: у Зимнего дворца, на набережной Невы, на Фонтанке, у старых зданий на Невском и вокруг... И я увидел, что это вовсе не мираж, а реальность, но только застывшая, уснувшая летаргическим сном, законсервированная. (А если так, то остается надежда на то, чтобы осторожно разбудить, оживить эту реальность. Ничего подобного не ощущал в Москве или где бы то ни было.) Здесь же суежилась другая жизнь, другой мир. Не просто старое и новое, а *Одно* и *Другое*.

Так, в джунглях Индокитая стоят таинственные древние храмы, увитые лианами и покрытые мхом, а рядом снуют современные аборигены, никакого отношения к этим цивилизациям не имеющие и, собственно, внимания на них не обращающие.

Из тех городов, в коих бывал, только Париж сравним с Питером. Но Париж целостный, он весь дышит. Даже в Тюильри живут квартиросъемщики, а в квартире Робеспьера — обычная контора. Архитектура же Питера существует отдельно от текущей жизни. Её не оживляют, но лишь уродуют декоративные реставрации. Невский проспект кишит суетливыми людьми, но он мне кажется застывшим городским пространством.

Будете в центре Питера — приглядитесь. Вы увидите несоответствие архитектуры Города и его обитателей. Образ жизни ленинградцев иной, чем архитектура Петербурга, отразившая в камне образ жизни петербуржцев и прошлой России. Невыносимо наблюдать ленинградца, обнаруживающего в себе жителя Санкт-Петербурга. Это инопланетяне на выставке достижений народного хозяйства или, скорее наоборот, народные хозяйственники на иной планете. (Когда говорю о Ленинграде, в моем сознании возникает скорее Кирилл Лавров, чем Евгений Мравинский.)

Но стоит отъехать от центра города, на улицу Гаврскую, например, или куда-нибудь на улицу Маршала Казакова, — и все встает на свои места. От несоответствия не остается и следа, а на душе становится спокойно. Полная гармония архитектуры, людей и образа их жизни. Это и есть Ленинград. Такой же, как и остальная советская Россия, где хуже, а где лучше.

Для воплощения коммунистических идей в жизнь архитектура буржуазной России не предназначалась. Томас Мор и Томмазо Кампанелла для своих утопий строили проекты специальных замкнутых социумов типа «Города Солнца», и в этом они были правы, ибо предусмотрительно заботились о гармонии камня и жизни. Непоследовательность теоретиков коммунизма начала XX века в этом деле оказалась трагичной для городов, в данном случае для Петрограда и для его обитателей, ставших в 1924 году ленинградцами.

Теперь стоит вопрос о том, чтобы вернуть Ленинграду его историческое имя — имя святого Петра. Конечно, это будет справедливым, ибо свяжет это название ещё и с Петром Великим, основателем города.

Но дело еще в том, что и Ленинград — имя историческое. Не одно поколение родилось именно в Ленинграде, а трагедии этого города (сталинский геноцид, блокада, ждановщина) кровно связали миллионы людей именно с Ленинградом. Именно эта связь, а не престиж Владимира Ильича, самая мучительная проблема. Как здесь быть?

И кроме того, простым переименованием не вернешь утраченный образ жизни. Ленинградцы ещё долго останутся ленинградцами, прежде чем станут петербуржцами. Да и станут ли? Не будет ли к несоответствиям архитектуры и образа жизни добавлено несоответствующее название города? Не станет ли от этого еще хуже самим жителям города?

Впрочем, все это лишь размышления, возможно даже и лишние, поскольку в данном случае только ленинградцы (а не вся страна) должны все решить сами.

*«Провинциальный еженедельник “Континент”»,
22 июня, 1991 г.*